Р2кр
Г83

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

ЗАБОТА

Поэмы

-33221-

ДО Псковская ЦБС

7-4-2
317-1969

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧЕРТОВ ПУТЬ

Светлане Молевой

ПОСВЯЩЕНИЕ

Старый отче, теплый берег,
В пору трудную
Не заждался? Не ответил
Сыну блудному?

Хоть не рано, хоть под вечер,
Вот... причаливаю.
Не взыщи, хвалиться нечем
Обпечаленному.

Коль признаться между нами, —
Не прославился,
А геройством и чинами
Отзабавился.

Не серчаешь? Вот и ладно.
Почеломкаемся!
Дай обнять тебя, прохлада,
Лада ломкая.

Что молчишь, сестра-беляна,
Березиночка?
Накрывай на стол, поляна,
Как же иначе! —

Синь бездонную псковскую́
Всю не выплакала;
В светлом сумраке тоскуя,
Песню выкликала!

Сеет месяц сизый пламень
В росность шалую.
Мягко-мягко, плавно-плавно
Осень жалует.

Грусть непрошено стучится —
Ночь длиннущая.
Чу! Волчат зовет волчица
В чуткой пуще.

Выдра плещет ли, русалка
Одинокая?
Щука — в заводи, как палка
Тигробокая.

Под волнами, под веками,
В дрёмной прозелени
Спит горюн Вороний камень
В Теплом озере.

Свет-князья и чернь-мужланы
Смолкли, выпеснились.
Отболели злые раны,
Слезы выпреснились.

Тихий брег в туманной дымке,
Лежень ласковый,
Распечаль, размыкай думки
Складкой-сказкою...

1. ЧЕМ БОГАТЫ, ТЕМ И РАДЫ

Господа хорошие, наше — вам!
Милости просим к русским льнам,
Дивитесь на здоровье, есть чему:
Отрада сердцу, утеха уму!

Здесь — долгунца куде́ля,
Как слеза чиста,
Ее в самом деле,
Не сносишь лет до ста.

Вот в этой клади —
Кудряш-плаун, —
Девичьи пряди,
Шепот струн!

А кто не верит
Своим глазам,
Пусть волокно проверит
Мерилом сам.

Окуните руки в ласку тюков,
На зуб испробуйте... Что! Каков?
На разрыв тяните,
Кто силой не худ.
Прикиньте, смекните:
Лишь рубль — пуд!

Полфунта — копейка,
И дело с концом.
У нас не наклейка —
Товар лицом:

Хоть ладь сорочки,
Хоть парусам вверяй.
Олрайт лено́чки?
— Ол райт!

— «Олрайт!» гостей да хозяев «да!» —
Доброму торгу — венец, господа!

Никита Кудлатый,
Безбрад, безус,
Прямой, мослаковатый,
Синьглаз и рус,
На плечи не в обиде,
Главу в полупоклон:

— Прокатимся, увидим
В расцвете лен, —
Ручаюсь, не видали
Морей синей...
Эй, сказать, чтоб подали
Застоялых коней!

* * *

— Полелей, Кузьмич, гостей:
Поубавь у них страстей —
Дончаку кнута подкинь.

Кони — с места: «Динь-динь-динь!..»
Разгривастилось шесть грив:

Поостынь, коли спесив,
Если робкий, — возгорись!
Кайся! Р-радуйся! Кори-ись!

Только храп, страшон и люб,
Только пена с алчных губ,
Только пятки мужика
Да ухмылка чужака:

— О, Великая река,
Моряку — пять взмах рука.

Свет Никита подмигнул:
— Не один гордец тонул!

* * *

От ограды Пскова-града
И до Снятной горы —
Медовуха-ярь-прохлада:
Раскудлатились боры,
Не шело́хнутся, размо́рены,
Триохватны, смольны, зо́ряны.

Кровь хмельна светлынь-печалью
Бьется, радуется!
А дорога рыжей шалью
Знай разматывается,
Вьется выше, в травном кружеве, —
Аж на́ сердце позуживает!

Словно сказка — верховина,
Здесь и узко, и — ширь:
Разглавастился детина
Снятногорский монастырь,

Сыплет звоны полной мерою:
«В бога-господа не верую!»

Настоятель, ражий дядя
В рясе черных шелков,
С кротким «охом», остро глядя,
Смирно крестит гостьков;
От поста да от заботушки —
Три румяных подбородушки.

Почеломкался с Никитой,
Троекратно, зело:
— Брат, радетель сановитый,
Что за счастье привело?
Вот уж истинно сподобило!
— Надо, ваше преподобие.

Кошелек червонных — накось:
На возвратном пути
Завернем. Сработай закусь,
Заморян причасти!
— День-то постный...
— Дело вспешную.
Грех беру на душу грешную!..

* * *

Небо, Великая: синь — в голубень,
Днюет над глушью неистовый день.

Бражен, прозрачен сиреневый дым,
Хочешь не хочешь — будь молодым!

Каждая травка раскрыла уста:
Любит как может, пред жизнью чиста.

Всякая птаха звончайше зовет:
— Не обойди, залети в хоровод!

Прямо ли, криво ли, что за беда:
Душенька — настежь, проста и горда,

Сбитая, взмывшая — плещется с губ.
Ты приголубь ее! Ты приголубь!

Песня прольется, молчи не молчи.
Горько ли, нет ли,
споем, ру-си-чи!

— Ни ветринки в рассиненном поле,
А послушать — не тихо.
— Кузьмич,
Заиграй-ка веселую, что ли,
Иль протяжную нашу закличь!

Снизу — льны заневестились жарко,
Сверху — воздух до одури сух...
— Это можно, хозяин. Не жалко.
Слушай, стало быть, если не глух.

Летними ночами
В сизой росянице
Сумерки встречали
Синие жар-птицы.

В звончатых коронах,
На неслышных лапках
Грелись в льнах зеленых,
Робких, зыбких, зябких;

Крылья подставляли
Долгожданной ласке:
Велика, мала ли, —
Брали без опаски.

Если б вы там были,
Кабы я там не был, —
Вы бы полюбили,
Разлюбилось мне бы...

Выдумки — жар-птицы —
Взяты небесами,
Но в ленóк сторицей
Перьев набросали.

Будто синевьюги
Землю запушили!
Тут мужичьи руки,
Словно б не тужили.

— Вроде простолюдин
Не глава землицы?..

— Бабы, кучер. Будет!
Срок остановиться.

* * *

Не царь-Петра солдаты
Застыли на смотру —
Мужи́чки, стар и млады,
Притихли на яру.

Земли родимой воинство,
Заступницы полям,

Стоят, полны достоинства,
Хоть рученьки по швам.

Щекой, как яблок, розовы,
Что соболь, в бровь черны,
Светлее, чем березы.
— О, недурны!..

Поди сюда, молодка!
Та, что с младенцем есть...
О! Походка!
— Чего вам, ваша честь?

— Ребенок твой?
— Он самый.
— А где ж отец?
— Бог весть...
— Так рано стала мамой?
— В пятнадцать, ваша честь.

— Как звать тебя?
— А — Счастя.
— На! Всё — на леденец!
— Не привычны к сласти,
Сударь купец.

Британец поперхнулся:
— О, ладно, — горда. —
Никита усмехнулся:
— Что взять с нее — млада.

А возле ног пылает
Сплошное синевьё!..
Заморский гость вздыхает,
И снова — за свое:

— Как можется, бабушка,
Седая голова?
— Не жалоблюсь, батюшка,
Живёхоньким-жива.

Ленком да божьей милостью,
Спасибочки, сыта.
— Давно ль живешь?
— И-и, сбилась я:
Лет с тридцать... после ста.

— Так вот тебе награда:
Даруем рублем!
— Кормилец, не надо:
Своим живем.
Нам куш чужой не светит.

— И эта не берет.
О, дэм ю!.. * Русский леди!..
Что за народ?
— Дичатся. Азиаты.

— К чему им брать — богаты!
Земля родит сама:
Посеял как попало, —
Гуляй!.. Пора настала
И — полны закрома.

* * *

За доро́гой, на меже, в царстве льна,
Как повсюду — Русь-невольница, вольна!

---

* Damn you — будь ты проклят! (а н г л.)

В сто кузнечиков кует тесаки
Да глядит, глядит вперед из-под руки.

За сто лет глядит, за тысячу — вперед:
Выжидает! И кует, кует, кует!..

Нетерпенье — слева, справа, позади...
Совершится! Двести лет перегоди.

А пока хоть стебельком порадей!
Лен цветущий, ты — не слезы людей?

Ты удался, все ахают: шелк!
Не задался, так зубами щелк.
Ну а нынче ты дюж через край!

— Ладен новый урожай?
— Ол райт!

2. МАГАРЫЧ

«Мы, великорусские люди торговые,
В здравом разуме, доброй волею
Заверяем посланцев Англии
В нижеследующем обещании:
Что доставим в нынешнем году,
Ноября месяца, первого дня,
В гавань города Лондона
Льна-волокна сорту высшего
Девяносто тысяч пудов;
А сверх того еще, в знак дружества, —
Сто тюков безденежно.
В чем крест целуем

-332
ДО Псковская ЦБС

И руку прикладываем:

Никита Кудлатый, Васильев сын;
Иванко Копытин, Андреев сын;
Дозорий Веселый, Петров сын.

Одна тысяча семьсот первого липеня,
Тринадцатого дня. Аминь».

«Мы, Посланцы Владычицы Морей —
Всемогущей Британии,
Облеченные Доверием
Высокочтимой Торговой Унии,
За доставку,
Своевременно и в строгой сохранности,
После полнейшей передачи
В Собственность Достославной Фирме
Вышеупомянутого псковскими купцами
Русского сырья,
Торжественно Договариваемся:
Компенсировать бывшим владельцам оного
Девять тысяч червонцев наличными,
Из расчета:
Один рубль — за полный пуд.
Кроме того,
Примем сто тюков льна-волокна
Безданно-беспошлинно
С Нашим Удовлетворением.
К сему и расписуемся:

Сэр...
Мистер...
Секретарь...

(Фамилии неразборчиво). — С нами бог».

* * *

В людном городе, во Пскове,
На торговой площади,

Сто столов наготове,
Варевом полощется:
Жареным, пареным, —
Лопай, ставши барином!
— Голь, сбивайся у концов,
Вся серёдка для купцов.

— Красноглазый, не вертись,
Протрезвись, от бочек брысь!
Пьяным змия́ зе́лена
Подносить не велено.

— Дык ведь как же? Дык ведь — литки *.
— Шпарь отсель в четыре лытки!..

— Показались! Кроют! Еду-ут!
— Будя, люди! Что вы?..
Где тут:

Козлогласый пономарь,
Две телеги, с квасом ларь,
Баба с визгом, с ляжками —
Вверх тормашками!

Сто упряжек взвиты вскачь,
Впереди — верхом — рогач:
Дует разом в два рога́,
Благо глотка широка!

Мчат кареты по дороге,
Свиристя, грохочут дроги,
Вперегон пролетки прут,

---

* Л й т к и (с е в е р н.) — магарычи, спрыски, попойки при купле и продаже.

Ямщики зело орут,
Худо дело с тарантасом,
Одноколки крячут басом,
Гонят брички, жмут возки,
Тарахтят, отстав, рыдваны,
Катят лихо шарабаны!..

— Мы пока ничуть не пьяны,
Мы уж так уж, по-псковски!

* * *

Тихогласен, не речист,
Зато ручист,
Встал Никита:
— Мир честной! —
(Не холнет лист)
Лапнул чару золотую в полведра:
— Будьте живы! Быть гулянью до утра!

— Не длинны вы, подходящие слова.
Речи сахарные нам — коблу трава:
Наслыхались, аж кружи́тся голова.

Вот бы все бы слышать трёпа не смогли,
Ух ты! все бы языки поберегли,
Чтоб, как тот купец, — словес на пятачок,
А чтоб дел — на рубелек!..
— Ты что? Молчок!..

Обратил Никита взор на англичан:
— Вы встречать нас приходите на причал,
На рассвете, в первый день ноября:
Мы прибудем, мы там будем чуть заря.
Уговор людей российских не-ру-шим! —
И единым духом чару осушил.

3. НАКАНУНЕ РАЗЛУКИ

Не соловей рокочет в роще,
Не росы плещут по ночам,
Яровчатые горько ропщут, —
Пришла к детинушке печаль.

— Мне дорогой не видеть долго:
Далекий путь меня позвал... —
На грудь — разлука серым волком.
И слезынька — на бархат ал.

— Чадунюшка, а ну их, гусли, —
Одно томленье. Не гуди.
Дела! Уж дома помолюсь я,
А ты к заутрене сходи.

Пойди во храм Николы с Торга,
Святым надверным поклонись.
О той... о Счаське, слышь, Дозорка,
В грехе Азарью покорись!

Моли покрепче Мисаила,
Чтоб даровал попутный ветр!
Проси Анания, — в нем сила, —
Чтоб ниспослал златых монет!

И выбирай потолще свечи,
А грош задаром не швыряй.
Да избегай с Иваном встречи, —
Тьфу, и в кого он, шалопай?

Эк разохотилось Копыту
Охальничать да зелье пить!

Посправлюсь, упрежу Микиту,
Чтоб гу́льню поумерил прыть...

Молись, да не удумай сдуру
На Снятную зафитилить, —
Тебе ль, боярин, шуры-муры
С простой мужичкой разводить.

Дерзнешь —
на лавке разложу!
— Как велено: к святым схожу.

— Гаврюшку-няньку мне!..
Гаврила,
Чтоб за Дозором — глядь-поглядь!
Не угорел бы с юна, с пыла.
Горячий возраст — двадцать пять.
Копытин, бабник и кутила,
Его влечет на грешный путь.

— Неужто? С нами крестна сила!
Уж догляжу: покойна будь.

* * *

— Гаврилушка, родненький, ой, поживей, —
Не жалей лаптей, к Иванке завей!
Колодезной вытрезви, если нетрезв.
Скажи, что нужда к нему — позарез.
Проси, чтобы выручил-удружил:
Закрытый возок тайком заложил.
На Снятную гору надобно нам!

— Одна нога — тут, другая — там!

* * *

Осадил взмыленных. Не разнуздал коней.
Ветром ласковым метнулся в горенку:
— Счастя, Счастя, моя горлинка! —
И кинулся в ноги к ней.

Двери — настежь:
За выгоном сиротеет жнивье,
Над курганом причитают лебеди-гуси...
— А я истревожилась: не дождуся,
Дозорушка, гореванье мое!

Не кори:
Чего не надумаешься за черную ночь,
Как листок, набедуешься под плач листопада.
— Все будет ладно!
Не тужи, не надо,
Отгони, жадо́бная, сомненья прочь.

Все будет складно:
Вот я возвращусь по весне;
А там и матушка — ведь не волчица —
Должна смягчиться.
А сейчас настала пора проститься:
Сына неси ко мне...

Должны разлучиться!
Пора, пора...
На улице пусто-пусто, зябко-зябко.
Только крестит беззаконных дремучая бабка,
Да трезвонит оглашенно Снятная гора!
— Ох, разъединственный, что нас ждет
За грех — за мою любовь-необма́ну?..
А у самой —
Искры, искры, искры по сарафану.

Разве слезы горят?
Это в них веселится восход.

А по реке — туманище-непроглядь.
— Въявь такой?
Или сон мне тягостный снится?
Что с нами будет — не нам распознать:
Жизнь, как Великая,
И течет, и берега не видать;
Издали — гладью лежит,
А шагнешь навстречу — дымом клубится...

Под ногами-то у нас — разрыв-трава...
— По́лно, Счасть,
Глянь-ка лучше, какая шали́нка!.. —
Но не согревает подарок,
Не избавляют утеха-слова:
Под тяжкой косой — совсем на грудь голова.
И все короче, короче, короче тропинка.

— Счастя, Счастя, душеньку не надрывай.
Что река? Потуманится и перестанет.
Вон над берегом солнышко, —
Что тебе каравай!
Каждый день его встречай-привечай,
Оно не обманет...

А тройка рвет удила, заждавшись, храпит.
— Дозорушка!.. —
На четыре стороны — предснежные дали...
Шарахнули копыта.
Замерли удары копыт.
— Счастя! Счастя!.. —
Стонет дорога из-за ракит.
И протянутые руки
упали.

4. ЗАКРУЖИ МЕНЯ, КРУЖАЛО

— Дозоруха, ядрена-лапоть,
Голова два уха, браток, побратим,
Дай-ка тебя облапить!..
Да по́лноте хмариться, множить слякоть,
Айда, закути́м!
Во имя разлуки,
Во имя дороги,
Во славу ангелов и чертей
Направим в питейню резвые ноги,
Полегчает, ей-ей!

— Гаврюша, голубчик, отвлеки маманю:
На́ сердце-то...
— Чую, не ударю лицом в грязь.
— Будь по-твоему, Ваня.
— Начнем с крайней, благословясь!

* * *

Закружи меня, кружало, поднеси!..
Ох, и пьют же на крещеной Руси!

Мужик отводит душу в пьяном кураже,
Только что-то не легчает на душе.

— Понимаешь, не легчает. Дай глото́к,
За него я притчу вымолвить готов.

Не поможет эта притча дундуку,
А дотошному сгодится мужику.

— Примем, что ль, его в компанию, Дозор?
— Пусть садится, лишний шкалик — не разор.

* * *

— Золотая казна
Над скрягой властвует.
В доме — краля жена, —
Дурак расхвастает.

Брюхо голову кружит
Жирно сытому.
Кнут потребен не дюже
Палкой битому.

У доносчика, у доглядчика —
Сучья доля, дело собачина.

Хоть и в красной рубахе,
Да черен, как тьма,
Сохнет палач у плахи,
По крови, ирод, сходит с ума.

Захвативший власть
За нее дрожит:
Вдруг осилят: «Слазь,
Шеей петлю подержи!»

И святой монах-отец,
Кой за что на земле,
Кой-где будет пить свинец,
Выть в кипящей смоле.

А сверх церкви не дерзну,
Выше — только бог.
Он и старь и новизну
Гнет в бараний рог...

Умный ждет грозы,
Усмехается в усы, —
Хоть не лишку сыт,
По ночам спокойно спит.

Рыбка плавает по дну,
Дай-ка рюмочку одну.

Нацедил вина Иван:
— Слышь-ка, говорун-смутьян,
Хоть твой сказ хитер, а все ж
Ты, болезный, тоже врешь.
Словеса, конечно, шибки,
Да и в них не без ошибки:
Первый промах — натощак
Худо спится, — спробуй, ляг;
И об умном спешно судишь:
Где уж спать спокойно будешь
После этаких речей!
Аль забыл про палачей?

* * *

Шатко вышли из кружала.
Дело к вечеру.
— Ух, какая пробежала!..
— Ваня, не к чему...

— Погоди, красава, что ли,
Будь так ласкова.
Поспешаешь далеко ли?
— Я? На Зáпсковье.

Там сегодня веселины —
Ярмарка:

Что народу вдоль долины,
Шелку яркого!..

Сделал знак Иван Дозору:
— Вот ведь слу́чится:
К самой стати, очень в пору
Нам попутчица!

Целый день дойти не можем,
Вот бы — вместе бы!..
— Ладно, путь не загорожен,
Доведу уж, бестии.

И мизинчиком грозится,
Зело статная!
И в реке Пскове водица
Плещет хладная.

* * *

За бегун-рекой,
За плакун-травой —
На пригорке
Круг растет гулевой,
Греет пляс дармовой
В призакатной зорьке.

Впереди — закат,
Позади — бор косматый,
Сверху — непогодина,
Справа — ропот волн,
Слева — лобный холм:
Пресвятая родина!

Так ли всё, не так, —
Лучше ль, хуже на пятак, —
А у тебя песенно,
Тебе весело...

Провожатая, смеясь:
— Сплясануть охота страсть,
А то не достанется! —
Не далась обнять,
По руке Ванюшу хвать:
— До свиданьица!

Окунулась в круг,
Отыскала подруг,
Бросила жёстко:
— Привела ягнят:
Эвон, дурни, стоят, —
Стригите шёрстку.

* * *

В том кругу, кругу, кругу
Разохотило куму:

— Заплясалась, не могу,
Потяните за ногу́.
Ходит хата, ходит печь —
До рассвета негде лечь:
Кому грех, а мне смех,
Эх, эх, эх!

Голова бедовая,
Гуляй, покуда вдовая, —
Мужней будешь, не пошутишь, —
Веселись, фартовая!

Уж я по воду иду —
Пятерых вослед веду,
А с водицею бреду —
Семь за мной на поводу:
Я приманчивее, эх,
Всех, всех, всех!

Да как топнет, принаддаст:
— Чудеса — житьё у нас:
Утром курицу дою,
Вволю песенки пою;
Запрягаю кобеля,
Выезжаю во поля;
На своей меже ячмень
Топором валю весь день;
Солод к вечеру мелю,
Ночью водочку курю —
Бочку с колоса —
Для дроли-золотца!

И Ванюху обдала
Жарким ветром с подола́:
— Похмелю, не поскуплюсь.
Обними, а то свалюсь!

* * *

А напротив колобродит балаган!..
— Чей зверюга? Твой, цыган?
— Мой медведь! А ты чего?
— Разложить хочу его!
Вот — червонец. Дай, сборюсь.
Зашибу, так разберусь.

— У меня не медведь — сатана:
Пятьдесят ему цена!

Кунью шапку грохнул по́д ноги Иван,
Бросил нищему сафьяновый кафтан:
— Надевай, совсем бери!..
Воскресенье. Загуляли скобари.

* * *

Как схватились, как пошли
Иванка да Михайла!..
— Неужели, неужли́
Зверь не угнёт нахала?

— Медведево пропало!

— Во — взревел! Чичас он даст,
Скрутит ребра в узел!
— Малый хваткою горазд!
— Домой пойдет на пузе...

Кружит круг! Возликовал!
Сбивается! Раскруживается! —
Зычный хохот, жгучий гвалт,
Будто берег рушится.

Любит православный люд
Зрелища скоромные! —
Мещане чинные орут,
Визжат девицы томные.

Над пронзительной толпой
Цыган вопит неистово:
— Брось медведя, чумовой,
Загубишь мне артиста!.. —

Пот с лица смахнул борец:
— Знай наших! —
Выпил зелья окаянного корец. —
А теперь спляшем,
Чтоб была доро́га дальняя легка! —
И ударил трепака.

5. СВЕТИТ, ДА НЕ ГРЕЕТ

Скворец свистит, а не насвистывает, —
Не зажигает день певца, —
И в перещёлке нет неистовства,
И глуховитей хрипотца.

В скворечню до кровинки веруя,
Он зябкой хатой позабыт.
Всего — скворец, а сердце верное
По-человечьему знобит.

Заосени́ло.
В горле заморозки.
У нас недолго пропоешь.
Однако жар хваленый за́морский
Так па́рит, что не всем втерпеж.

Строга равнина чужедальняя,
Напасти — с четырех сторон.
Прощанье — песня горевальная:
Высокий вздох, земной поклон.

Но от разлуки не откупишься,
Не отпихнешь: «Посторонись!»
Хоть рассмеешься, хоть насупишься,
Она — живущих суть и смысл.

А осень тихая старается,
Горит, — с дороги не свернуть.
И дело только разгорается:
— Отдать концы!
— Счастливый путь!

* * *

Похолодало. Засентябри́ло.
Кругом — земля красна!
Всё это было!
Не верь, что сплыло,
Что жизнь теченьем унесла.

Они взывают, стучатся в души —
Живые вздохи забытых дней!..
Ширилось утро, ничуть не у́же,
Ничем сегодняшнего не холодней.

Вставало солнце, раскалялись плёсы,
Леса пылали, светилась тишь.
И ни полтучки, ни полбелёсой,
Хоть в мыслях сутемень,
Не узришь.

Комар не пискнет, не булькнет плотица...
Забудь о лете, забудь, забудь.
Лишь три ладьи, отлетные птицы,
Волнуют Великой спокойную грудь.

* * *

Крутосклон щербато изломан.
За толстенной стеной — монастырь.

Семь домков, укрытых соломой,
Невеселый печалят пустырь.

Из деревни петляет стёжка
И теряется в плитняке...
Как стремительно и сторожко
Кто-то светлый бежит к реке!..

— Ох, успела! —
Себе не верит.
Окровавленных ног не жаль.
— Ненаглядный?.. —
Обрывист берег.
Гасит вир дареную шаль.

— Потонула!.. —
А глубь-то пенится,
Всё-то, всё на дне утаит.
Разгадаешь ли, что не деревце —
На обрыве Счастя стоит?

Наваждение? вздохи омута?
Или это ропщет полынь? —
Поникай, увяданьем тронута,
Не надейся, усни, остынь.

Примирись: не стой, не аукай...
— Отклик!.. —
Эхо хохочет окрест:
Погляди, за туманной излукой —
Только мачта «Любови», что крест.

Исчезает.
Скрестилась с лесами.
Словно жадная пасть, поворот...

Под приспущенными парусами
Твоя «Вера» в море плывет.
Немо гальку зыбь опоясывает
И откатывается, в глубь маня...

— Небо грозное, будь к ним поласковей,
Их напасти сошли на меня!

Пусть бураны исхлещут плечи мне
И язык мой замрет без слов,
Дай им, небо, безмельные реченьки,
А в морях — небуян-ветрóв!

Пусть мне солнце иссушит рученьки,
Хлынет в очи дождь проливной,
Только б тучи твои громучие
Обходили их стороной!

Не пошли мне ни сна, ни отдыха —
Отврати всё, что им загрозит!..

Осиянна, как белое облако,
Мимо Счасти «Надежда» скользит.

— Вслед помчала бы,
Оземь пала бы!
Ой бы — крылья!.. —
Беззвучен крик.

И с накрененной зыбкой палубы
Видно: вроде осинка горит.

Ей в волну сойти не отчаяться,
И пожар листвы не унять.
Три ладьи,

Три летящие чаечки!
Разве их осинке догнать.

6. БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧЕРТОВ ПУТЬ

— Желтый отсвет зари
Прочит передрягу...
— Засветить фонари!
От руля ни шагу!
Рот гугнивый — на засов,
И убавить парусов!

— Есть, Никитушка! Есть!
Сладим честь по чести!
— Не серчай, ваша честь,
Паруса — на месте.
— Молодец. Поди в куток,
Я сменю. Вздремни чуток.

Что, Кузьмич, проняло?
— Есть, хозяин, малость:
В кость стреляет зело.
Старость — не радость.
— Будем дома, выйдет срок:
Есть конец у всех дорог...

Эй, не мешкать на снастях!..
Предвечерьем синим
Сходим в баньку, — не в гостях, —
Всласть парку подкинем,
И озноб заморский твой
Сразу снимет как рукой.

А потом за столом
Вкусим русских брашен,

Не тужа о былом,
И споем и спляшем!
А пока возьми фонарь,
Как там наши? — посигналь.

* * *

— Раз на Зáпсковье
Две кумы
Плясали взапуски,
Жаль — не мы.

Они наяривали
Битый час,
Подговаривали:
«Кто — горазд?!»

Тут распоясывали
Мы кушак
Да заподплясывали —
Аж звон в ушах!

Пляс не дурачество —
Сердцам простор! —
Примяли начисто
Дьяков забор.

Холм лобный снизили, —
Втолкли в песок!..
Мутит от кúсели:
Медку б глоток;

Хоть с три ведерка бы
Его сюда
Да флягу горького!..

Так мы тогда
Дошли до За́величья
Вприсядку с ним!
Не то, что давеча —
Ты, Ефим.

А хвастался: «Мастак!»,
Однако сник, подвел.
— Так ведь качает как! —
Каб тихий пол.

Была б землица бы,
А то — как даст! —
Не зазалиться бы.
Какой тут пляс!

Вот кабы бе́режек —
Не океан,
Да ты поверишь ли,
Да я, Иван!..

Купец — поддёвку с плеч,
А та — мокра, тяжка:
— «Кабы, кабы» — сиречь
Тонка кишка.

Жги, гармонист, гуди,
Бабахай в бас!
Эх-ма, плясун, гляди,
Какой он, пляс!..

Смеялась палуба
От резвых ног!
А ветер жалобно
Трубил в свой рог.

* * *

«Ой, змея-тоска
Подколодная:
Ни леска, ни листка —
Глубь холодная.

Зыбь темна, тяжка, —
Сердце ёкает:
Ни лужка, ни стожка —
Даль далекая.

Облака черны,
Будто вороны,
Волны буры, бурны —
Во все стороны.

Княжит хлябь кругом
Больше месяца.
Бьет крутым крылом
Ветер, бесится.

Загорись, зажгись,
Яснозорюшка!..»

— Не знобись, не журись,
Брось, Дозорушка.

Гусельки настрой
Голосистые:
Взрокочи, запой,
Позасвистывай.

Три недели струн
Не касаешься.

Всё молчишь, горюн,
Дня чураешься.

Грянь «Среди лужка»,
Горесть — с плеч долой.

— Ой, Гаврилушка,
Отвези домой!

— То ли будет впредь,
Вздумай: дома ли?
Не моги робеть —
Грозно вóморе!

* * *

— Твой наказ, капитан, исполнен!
— Как там наши? Порядок?
— Не полный:
У Иванка пробило корму.
— Залатал?
— Не впервой ему.
Всё шуткует: коль в этом пруду
Утону,
по дну добреду.

— Как Дозор Весёлый?
— Не весел.
Знать, сморили гривастые беси.
Семафорит Гаврила: тоска!
— Ничего, привыкает пускай.

— Там, на «Вере», матросы пристали.
Да и то, — сколько ночек не спали,

Сколько дней по-людскому не ели...
— Ты докладывай, шкипер, о деле!

— Так у нас, на «Любови», всё ладно.
А на море не дюже отрадно,
С каждым часом дело всё хуже:
Ну, скажи ты, будто две стужи
Когтем в нашу флотилью вцепились.
Ветер с Мурмана, эка немилость,
Спáсу нет от проклятой погоды...

— Скоро выйдем в Немские воды.
Я, Кузьмич, пока подремлю.
В полночь сам заступлю к рулю,
Да боюсь вконец размориться, —
Сядь поближе, сплети небылицу.

7. УГОВОР ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

Чужь, чужая сторона,
До чего ж ты солонá
Не волна — сатана:
Напоила без вина допьяна.
Ох-ох, не дай бог!

Ни луны. Ни звезды.
— Ну сорвался конь с узды!
— М-да, ревуч ветерок:
Бьет, как тот единорог!

В небо — в пекло! —
Ходит вал, —
Прозевал, сплоховал —
Успокоит наповал.

Ни звезды. Ни луны.
— Полундра: буруны!..

День да ночь — сутки прочь.
День на ночь похож точь-в-точь,
И неделя — на неделю,
Как тетеря на тетерю:

— Си́вер, соль,
Сумрак, соль..
И не жалко соли, что ль? —
Не вода — беда, рассол.
— М-да, пожалуй, пересол.

Недосол на столе
Пересол на спине.

* * *

«Свет родная сторона,
Смирная погодушка.
Заждалась, верным-верна,
Лапушку лебедушка.

Неусыпно — вечерком
Ретиво́е в горести.
Выйдет к реченьке тайком,—
Не вернусь ли вскорости?

Зябнет в полюшке пустом,
Замерев над кручею.
Крестит вздрогнувшим перстом
Звездочку падучую...

Зарулить бы на восток,
Обернувшись соколом,
Подлететь бы чуть светóк
К берегу высокому,

На тесовое крыльцо
Взвить единым духом,
Глянуть в милое лицо...»
— Ух ты!
Послезавтра там — покров...

— С нами крестна сила,
Дозорок, да ты здоров?
— Митьку смы-ыло!
Люди! Люди-и!..

Воет тьма,
Жутко вихорь стонет.
— Эй, там! Что за кутерьма?
— Митька тонет!

— Крышка: нечем пособить,
С нами крестна сила...
— Все наверх! В рынду бить!
Подержи бахилы!..

Ветер зол, ветер — зверь!
— Ты куда, Дозорий?
Ты никак?..
— Живо — вервь!..
Море, море, море...

— Стой, окстись! Стой, купец,
Не губи головушку!
— Митрий! Митя-а!..

Двум конец.
— Унесло соловушку.

— Отгулял. Отбедовал.
Чем поможешь? Нечем...
Шквал — за шквалом:
Вал, вал, вал! —
Море рвет и мечет...

— Вы-ы! На верви что-то есть:
Дёргает, ребята!
— Оборвешься, не лезь.
— Свету маловато.

— Поживей волоки,
С нами крестна сила!
Поднажми, мужики!..
— Помолчи, Гаврила!

— Ближе к борту фонари.
При не вдруг, потише вы.
— Жив?
— Полегче бери.
— Жив, лишь память вышибло.

— Митя, Миты! А где ж Дозор?!
С нами крестна сила!..
Буря мчит во весь опор,
Люто, чернокрыло...

Ой, безбожник лада Псков,
Помолись за моряков.

* * *

Дыбилось море:
Гора — провал...
— Горе нам, горе! —
С «Веры» сигнал.
Худо нам, худо, —
Зло сотряслось.

— Не каркай, зануда,
В пасть твою — кость!
Губы раззявил,
А ну, не хнычь!

— Дозорий, хозяин!..
— Ты что, Кузьмич?

— Люто нам, люто, —
Сокол угас.

— На́ воду круто
Малый карбас!

— Никита Васильич,
Не та вода, —
Волны́ не осилишь...
— Вёсла сюда!

* * *

— Море сына навек приютило.
Ты теперь — за старшого, Гаврила.
Надо выстоять в горестный миг!
Так дальнейшее мыслишь, старик?

— Дрянно дело, Никита Васильев:
Мы тягаться с погодой бессильны;
Чтоб зазря не нырнуть к водяному,
Прикажи заворачивать к дому.

— Вот что я разумею, ребята:
Чтоб ни сталось, а двигаться надо!
Отступаться негоже нам, братцы:
Волокно ожидают британцы!
В Лондон к сроку причалить должны мы:
Слово русских людей нерушимо!

8. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ

Копенгаген — чудо-град:
Улицы мощеные!
Жёнки — глянешь — ахнешь, брат:
Талии точеные;

Что ни грудь, то груша с пуд,
Юбки широченные;
Жар-глазами так и жгут!
А собой степенные.

— Вот умаслить хоть одну
Пышку круглолицую.
Ишь ты, ишь ты! Ну и ну!
Вот бы приступиться бы!

Не стыдись я чуждых мест...
— Коль найдется силушка, —
Стыд не дым, глаза не ест.
— Глупый ты, Ефимушка.

А дома-то! А дома!..
Площадь — как полянища!
Рядом с киркою — тюрьма:
Ухарям пристанище.

Видно, тут и бог и черт
В дружестве соседствуют:
Хоть кафтан и в лоск протерт,
Наутюжен — первый сорт;
Модно люди бедствуют.

Хоть из дерева башмак, —
Не увидишь бо́сого.
В закоулках у бедняг —
Мусору набросано!
Там — цветы, а тут — бурьян...

— Слышь, не слышно гавани.
Заблудились мы, Иван,
В этом самом Гагене.

Заболоченный канал,
Камыши — в два роста;
Здесь, гляжу, попасть в капкан
Даже очень просто:

Лиходеи осмолят,
Не моргнешь и глазом.
Посуди, на кой нам ляд
По задворкам лазать?..

Всё!.. Пропали задарма:
Окружают! Пятеро!..
— Не хватайте за карман,
Честные приятели!..

Прочь с пути! не то взашей
У меня схлопочете!..
Семь дыханий! Пять ножей!
Что ж, коль зубы точите,

Получай на пятачок,
Господа грабители!..
Гут, ребята, левачок?
С правой — не хотите ли?..

Не спеша сошел к воде,
Руки вымыл чисто:
— Подвернулись, да не те?
Так-то, брандахлысты!

— Не кулак — литой свинец:
Ка-ак их, беззаконных!
— Ты сухой ли, удалец?
Брось им пять червонных,
Да на память тесачок
Забери. И чтоб молчок!..

Копенгаген — чудо-град:
Улицы не псковские,
По бокам дома форсят,
Крашеные, броские.

Кабаков не перечесть,
Вин заморских досыта!

— Не заглянем, что там есть?
— Ладно ли без спроса-то?
Застыдит Кудлатый бес,
Надает в потылицу.

— Стыд не дым, глаза не ест.
Мы — одну бутылицу.
Так, Иван Андреич, как?
А кулак тебе пустяк.

Усмирили б жар в груди!
— Будь, что будет. Заходи.

* * *

— Вот ты где!
— В-верно, здесь.
— Не подмокла б, Ваня, честь:
Третьи сутки в стельку пьян.
— Свет Никита, свет — обман,
Свет Васильич, свет немил,
Оттого и задурил.

— Ты, Ефимка, не был дран?
— Капитан мой, свет — тума-ан...
— Взять бродягу, эскулап.
Двадцать розг, лукавый раб!..

Здравствуйте, невесты.
— Д-девки, гостю — место.

Сел Кудлатый:
— Погостюем полчаса. —
С недосыпу закрываются глаза. —
Пива пару дюжин
Да покрепче ужин.

— Драться будешь, голова?
— Не тужи, поешь сперва.

Вот тебе моя рука —
Не сержусь на дурака.

— Вот спасибо, вот люблю!
Грех на совесть искуплю.

— Середина листопада:
Подаваться в море надо,
А с починкой дело
Без тебя заело.

— Наверстаю всё как есть...
Будет, любушка, не лезь...

— Забурлил, что кипяток.
— Друг Никита, с горя я.
— Помянул — и всё, браток:
Не вернешь Дозория...

Встать! Пора и совесть знать, —
Не во Пскове кружишь.
Копенгаген — благодать,
Да всех вин не сдюжишь!

* * *

На восходе солнца
Не поет петух, —
Мрачно море бьется,
Усмиряя дух.

Из родного дома —
Ни словца вестей.
Скука да истома,
Да толпа гостей.

— Русский, что имеешь?
— Лен для англичан.
— Дело разумеешь? —
Близок ураган!

В море не веселье —
Не весна, увы...
Предлагают зелье —
Дым табак-травы.

Любятся угрюмо,
Изо ртов — угар.
Оглядели трюмы,
Шепчутся: — Товар-р!..

Будто ненароком
Деньги — тут как тут.
— В Лондоне далеком
Девять лишь дадут.

Чтоб не куролесить
Вам в разгул ветрищ,
Платим ровно десять,
Целых десять тыщ!

Выгоду учтите,
В торге правил нет...
Капитан учтиво
Покупцам в ответ:

— Разумеем: десять —
Больше девяти.
Да еще на месяц
Выигрыш пути.

Лишний кус, вестимо,
Не порвет карман,
Только — нерушимо
Слово россиян!

9. МЫ САМИ С УСАМИ

Зубоскал-русак — не постный рот:
Весело горюет наш народ...

Рассветает.
— Паруса поднять!
— Есть, поднять!
— Ой-ёй, братва, погля́дь:
По «Надежде» пять красуль в слезах,
Не одна, не две, а сразу пять!
— Иоган, Вань-юша, будем жда-ать!..

— Крепко присушил-приворожил, —
Видно, подходяще удружил,
Черт везучий!
— Точно, не слабец!
Ай, Иванка! Парень молодец!

— Хоть силенки бог и не лишил,
Братцы, ни с одной не согрешил...
Не зевай, Ефим, трави конец!

И опять вода, вода, вода —
Въедлива, резуча и тверда...

* * *

Как дошли? К чему о том роптать:
Ширь шальная — не родная мать.

Хоть пьянит ревучая беда,
Не меда́ полынная вода.

Жарко ли сердечку, холодно́,
Маху дал, кто б ни был, всем — одно:
Тяжкие зеленые пласты,
Крышка, толщиною в полверсты,
Да слепое илистое дно...
Будь им пухом ты, морское дно!

А живой о смерти не дури!..
Догорает красный край зари,
Лязгают надсадно якоря.
Поздний день. Второе ноября.

— К месту прибыли, считай, чок-в-чок.
— Бурно. Припоздали на денёк.

— Подошли, ребятушки, пляши!
— С кем плясать? На пирсе — ни души.

— С нами крестна сила, нет пройдох:
Не подлопали б какой подвох?

— Ведь же — соглашенье! Не греши.
— Так, да бог и царь у них — грош́и.

* * *

День стояли. Два молчали.
Ждали — пять.
Ни купчишки на причале
Не видать...

Протерпели две недели.
— Как же так?
Тут, хозяин, в самом деле
Кавардак.

Даже носа к нам не кажут,
Стервецы.
— Посягают на поклажу,
Хитрецы.

Знают: некуда деваться,
Вот и жмут...
Кличь людей! Пора впрягаться
Во хомут.

* * *

— Ну и Лондон! Вот так да:
Пскова с три, чертяка!
— Тише крякай, борода, —
Не в Руси, однако.
— Не в Руси, не в Руси...
— Выше голову неси!

Сбоку — конник с палашом,
Тощ, как жердь на поле.
— Глянь: статýя нагишом!
И не стыдно, что ли?
— Ха, умора, земляки:
Шпарят в юбках... мужики!

Зол туман британский, густ.
— Днем с огнем, ребята!..
— Час идем, и хоть бы куст.
— Лесу маловато.

— Лесу, правда, не видать,
Да не хитро заплутать...

Стены, стены, стены — в ряд.
Как в колодце, сыро.
— Что, Иван, не рад?
— Не рад:
Муторно и сиро.
— Говорят: рад не рад,
Дело надо делать, брат.

Благолепный тарарам
Спереди и сзади.
Тесно, тесно, тесно нам
Во всесветном граде.
— Ты мила, чужбина,
Как спине — дубина.

Камень, камень, камень сер,
Мозгло, как в остроге...
— Доложи вельможам, сэр:
Гости на пороге.
— Все важны сверх всяких мер.
— А уж худосоки, —
Как их держат ноги?

* * *

Торговая биржа —
Гребучая пясть,
Большенна, бесстыжа,
Ворота как пасть;

На окнах ограда,
Чугунны крыльцы.

— Здорово, ребята,
Честны́е купцы! —

Всем длань свою чинно
Никита раздал:
И ражий купчина,
И рыжий детина,
И чваный дубина
Пред ним приседал.

— Русс в гости незвано
Ходить не горазд,
Тем боле так рано,
Да дельце до вас:

Уже две недели
Стоят корабли.
— Мой бог, неужели?
— Дела. Проглядели,
Ведь гавань — вдали.

— Мой бог, две недели!
— Как жили, дружки?
— Да были при деле:
Чинили мешки;

Кроили заплаты,
Готовили нить:
Ведь надо куда-то
Червонцы свалить.

— Вчера, как нарочно,
С нас взяли налог...
Мы ждали вас точно
В назначенный срок.

О, вы подписали
Закон-договор.
Ведь русские сами
Твердят поговор:
Скрепили пером,
Не срубить топором.

Тюки, что без денег,
У вас на борту?
— Еще в понедельник
Сгрузили в порту.

— О, экая жалость,
Пришли вы не в срок!
— Семь тысяч, пожалуй,
Сберем на ленóк...

— Две кóсеньких, значит,
Вы — по боку с нас?
— С финансами плачем:
Исчерпан запас...

— Что ж, поняли вроде
Сей жалостный сказ.
Проветримся сходим.
Ответ — через час...

— Червонных две тыщи:
Вó — аппетит!
— А этот кусище
Зубам не свредит?!

* * *

— Нет, начхать на уговор!
— Им — позор, а нам — разор:
Слово — олово, да пустит голого.

В купчем деле не урвешь,
Ближнего не купишь,
Заработаешь не грош — кукиш.

Прогореть нам, вот те крест.
— Экая стыдоба!
— Стыд не дым, глаза не ест.
Надо было в оба
За купчишками глядеть...
— Не галдеть!

Что кумекаешь, Иван?
Как принять дурман-обман?
— Уступать, надёжа,
Ни рубля не гоже!
— А как — вы?
— Мы — тоже!

— Ну, а ты, «стыд не дым»,
Краснобаюшка Ефим,
Что примолк некстати?
— Скис язык у него.
— Осчастливь, приятель,
Молви бога ради:
Бить челом даровó
Льзя или нельзя нам?
— Я?.. Спешить не того...
Я — как ты, хозяин.

— Барышей не видать:
Дело наше худо,
Да не можно забывать,
Кто мы и откуда!
Хоть без денег всяк худéнек,
Слово-то не олово:
Уговор дороже денег.
Выше, други, голову!
Пусть разор, да не позор.

Эй, толмач, запрячь испуг,
Приведи на борт хапуг!

10. ПЫЛАЙ ЯСНО, ЧТОБ НЕ ПОГАСЛО

Как три залётки-девушки —
Платочки на глаза,
Взгрустнувшие ладеюшки
Укрылись в паруса.

Как три послушных дочери...
— С «Любви» начнем, Иван!
— Твоя — на третью очередь,
Наш батька-атаман.
Уважь меня, утешь ты:
Ударь с моей «Надежды»!

— Готовы пламень-факелы?
Глядеть вперед, моряк!
— Смириться бы. Без драки бы...
— Поднять российский флаг!
Вы ждете, «благодетели»,
Внимайте ж нашу речь:
Иван! «Надежду» сжечь!..

— Доходчиво ответили:
Пылает знаменито,
Слепец узрит, Никита!..

Иван — в огонь поддёвку:
— Вот обновлю обновку!
Чтоб дело не погасло,
Подмаслю на пятак.
Взвивайся в небо ясно,
Гори, мой лапсердак!

* * *

— Б-бе... беда:
Кострище — страх!
Господа,
Да это ж крах!

— Нет, какие гордецы
Эти русские купцы:

Столько денег — в прах, в чад, —
Не в мошну, а мимо,
А они стоят, молчат!
О, непостижимо:
Не вздохнут, не охнут,
Бровью не шелóхнут!

— О, улыбка — с губ шальных!
— Им не жаль, богаты.
— Нет понятия у них.
— Кровь холодная у них:
Азиаты.
— Ах, ах! Деньги — в прах!..

— Гоу ту дейвл! * О, мой бог!
Как же так? Такой итог!
Лен ведь нам так нужен!
— Дешев он к тому же.

— Ва-ва-ва... Шу-шу-шу...
— Что я Флоту доложу?
Скоро — срок.
О, мой бог!..

Черт ли, бог,
Лен — не мох,
При огне он — порох.
— Пропесочили пройдох,
Ишь, страдают хором!

— Очень пламенно кадит!
Почеши их, леших:
В париках, поди, зудит,
А не то что в плешах!

* * *

Заморянило. Загоревалось дню.
Хмурый берег погрузился в марево.
Жаркая «Надежда» отпожарила.
— Эй, на «Вере»! Приступить к огню!..

— Сэр Кудлатый! Русские друзья!
О, огонь нельзя, огонь — не выгода!
Будет вам сполна семь тысяч выдано!
О, немир друзьям совсем нельзя.

---

* Go to devil — иди ты к черту; черт побери (а н г л.).

— Если так, мы — не враги рублю:
Забирай товар, друзья сердешные.
Цены вам известны, цены прежние:
Девять — льну, и тыща — кораблю.

— Десять тысяч! О, мой бог!..
— Шу-шу!..
— Здесь — все восемь. Больше нет ни шиллинга.
— Факел мне, ребята!
— Факе-ел, живенько-о!
— Ровно — десять! Или — удружу!..

— Сто чертей!.. —
Но глухи бог и гром.
В кошельках зазвякало: развязывают...
— Погасите факел. Лен берем.
— То-то и оно. Вот так-то сразу бы.

— Перечесть! Червонцы — не вода...
Уж не обессудьте, господа,
Что казну у вас потормошили мы:
Слово русских — слово нерушимое!
Только так у нас.
И так — всегда!

ЭПИЛОГ

Отгуляла зима-неулыба,
Отцарила в бесстрастных снегах.
И ракит буйнолистая глыба
Поднялась на пустых берегах.

И уже соловей забубённый
Подобрал к псковитянам ключи.

И не выплакать
сини бездонной
Несказанной невесте-ночи́.

Обогревшее душу приволье.
Полноводный ворчун-буерак...
Мир тебе, непорочное поле!
Мир тебе, поседелый плитняк!

На обрыве, над омутом сонным,
У беспамятной Снятной горы,
Счастя землю целует с поклоном,
Счастя светлая, — крестит виры...

* * *

Близко утро. Синь в росе и мяте.
Петухи поют: «Заре поверь!..»
Вспыхнула лучина в темной хате.
В тихой хате заскрипела дверь.

И летит к реке, живой и строгий,
Запоздалый зов:
— Ау-ау!..
И младенец месяц тонкорогий
Забодать не может синеву.

Светят звезды, полные бесстрастья,
Облетев с небес в водоворот...
— Сын давно проснулся. Где ты, Счастя?
Да и дело, бабонька, не ждет!..

А ее никто не дозовется,
Звездочку,
вернуться на крыльцо:

На нее из синего колодца
Смотрит ненаглядное лицо.

Ничего голубушке не жалко,
Никакой озноб уже не в счет...
А реке ни холодно, ни жарко, —
У нее своя судьба. Течет...

Ленинград — Псков
1956 — 1969

ДВЕСТИ ПЕРВАЯ ВЕРСТА

Светлой памяти брата,
Льва Григорьева

ЗАБОТА

Час неровен, в близком ли, дальнем потóм
По-молодому неразумью кто-то
Зевнет, сверкнув белозубым ртом,
Над былью-болью этой: «Раб-бота!»

Отмахнется: «Нам, сегодним, теперь
Не до сказок вчерашних, товарищ автор».
Верь не верь — не ломись в открытую дверь,
Войди, приглядись:
Я старался для Завтра.

Хоть на самый новый аршин прикинь,
Хоть сошлись на ультрамодные стили,
Хоть на какую высь, хоть на любую длинь —
Огонь на себя принявшие
Правильно жили.

Мерь не мерь, коль смогу, не солгу:
Пусть и старой закваски,
Да к нови причастен милость.

Не в шелку, я у жизни в долгу, —
Мне дышать, может быть, ничего не осталось.

Может статься, в самом зачине как раз,
Вот сейчас,
Сложит голову это творенье;
Саданет короткий, как выстрел, приказ:
«В наступленье!»

И подымемся в рост!
И пойдем!
И падем,
Погасив амбразуры взорвавшейся кровью!
Чтобы вам не звереть под железным дождем,
Смерть и ненависть не величать
любовью.

Надо б лучше, да где тут: сполна тороплюсь.
Не судите за то, не рядите,
Поймите:
Немного спокойных минут у набатной эпохи.
И прости мне пристрастие, Русь —
Я горю! Я с тобою до кро́хи!

Я ведь всем твоим детям — по крови — брат:
За тебя сгоревшим в далеких сечах,
И тем, что ныне с тобой горят,
И всем, всем, всем,
Кто для тебя запылает в грядущем далече.

Ты — и солнце в ночи, и темь среди ясного дня,
Полынь-горечь и бражная радость разом.
Не обдели тернистым путем меня,
Не обойди нещадным беспрекословным приказом!

АЛЁХА

— Нам, признаться, повезло,
Товарищи лешие:
Время дало ремесло,
Все мы не повешены.

Время — манна с небес,
Масляная оченно, —
Завело Алеху в лес,
Настежь пропесочило;

Прописало в терему
В дачном, елкин-палкином, —
Загорай себе в дыму,
Не чихай: помалкивай.

Знай живи: жилье
Немчурой оплачено.
Мать честна́я, житье, —
Всякая всячина!

Наградила бородой
Дедовой
в двадцать,
Наделила худобой:
Поститесь, братцы!..

А по мне бы — наутек
От пальбы и стужи, —
Хоть бы малый денек
Побить баклуши!

В баньку бы, в парок-жару,
Да — веничка-света!..

Покукуй-ка в бору
Две зимы, три лета,

Под фуфайкой попарь
Душеньку смоленую...

— Загудел, пономарь,
Язви тебя в ядреную.

Вот уж зык так зык:
Ни у́молку, ни сладу.
И ведь что за язык —
Два года кряду.

И ведь что за народ —
Луженая глотка...

— Нынче год — он не тот:
Нервная погодка.

При нажиме таком,
При этаком накале
Год зачти трояком:
Не отвоевали!

И перчит, и урчит,
И нутро вывертывает,
В горле костью торчит
Это дело чертово.

Только мы — все тут:
Служим, хоть и тужим.
Или нам — капут,
Или мы — сдюжим.

Хоть зубасты враги, —
Доведем до ручки!
А потом на пироги
Заглянем к твоей внучке.

Обмакнем усы
В полную рюмашку,
Дробанем плясы
Во всю души распашку.

Ноги — стук, сердце — тук:
Гоже, гоже, гоже!..
— Я без вас как без рук.
— Я без вас — тоже.

Не уймешь, не зальешь:
Дело неугасно.
Значит, что ж, для чего ж
Горевать напрасно?

Алексей да Евсей,
По рукам ударим:
Чем не пара ей?
Чем я не парень?

И не рыпайся, друг,
Что разнимся годами;
Мы — годки: дед и внук —
Ровня... бородами.

— Поздно ведь: не занудь,
Не жужжи, Алёха,
Не блажи, дай уснуть.
— Всхрапнуть, оно неплохо:

В полночь дрыхнет и вражье,
А я не рыжий тоже...

— Партизаны! В ружье!
— Аль вставать?
— Похоже...

ДОРОГА

Прямая дорожка!
За спиной — котомочка в пуд;
Под Псковом — бомбежка,
К Луге — семнадцать зарев цветут;
Небо грозит: «Везу-у!.. Сметý-у!..»
Травит живую душу: «Ату-у!..»

— Напучили кочек
Черт с бесíихой в болотушке!
— Еще семь верстoчек,
Везде-хо-ду-шки.
А там поднюем со смаком
На суше! В ельничке!
Всего — семь с гаком,
Отшельнички!..

Гиблая топь сторожко
Глядит: не пройдут!
Прижигает загривок мошка.
— Ну, полазим мы тут,
Уж повязнем мы тут!..
— Не ной, Степан, кончай матату́!..
Прямая дорожка,
По а-зи-му-ту!

— Ну бы какие дроги!..
— Не растягиваться! Аль оглох?..
Из лап упуская ноги,
Алчно чмокает мох:
«Ж-жах! Ч-чух! Ч-чох!..»
И не пудéшник — два на плечах.
«Хлюп! Чвяк! Ч-чах!..»

— Говоришь, дышать нечем!
А ты, чудик, приляг:
Покой обеспечен.
— Алеша, вы сами — чудак.
Теперь дотащу, спасибо:
Весь тол мой — к себе в рюкзак.
Не мне, старику помогли бы.
— Евсею-то? Как бы не так!
Старый лешак без того неплохо,
По части болот — мастак.

«Плюх! Плях! Плёх!..» —
Шаг. Шаг. Шаг...

Прямая дорожка,
В трясине утерянная,
Ровная, как ладошка,
Журавлями да ветром мерянная,
А человеку — не крышка, так дно —
В глазах темно:
Третий пуд засел на плечах.
Но все одно:
«Ч-ух! Ч-чох! Ч-ах!..»

Похоже — утреет, похоже — нет;
Горят потемки, стынет рассвет.
— Как будто кисель,
Поганец-туман.

Ну бы крылья бы да отсель...
— Не вознесись:
В небеси не умчи, Степан.

Все на земле имеет край,
Дальше которого некуда, точка:
И мох, и ночь, и эта на кочке кочка.
А вот человек может и через край.
— Давай! Дава-ай! Дав-вай!..

И так по всей России,
По всей
По безбожной Руси — крестовый поход!

— Что встал, Евсей?
Али хрип неймет?
— Дивлюсь, как в ноздри берегом бьет!
— Не врешь, лесовик?
— Держи напрямик,
Ходи, не косей:
Болото сдает!..

И вот
Горько-сладкой пахну́ло сушью,
Близко дышит шалфей-трава.
И запраздновало над глушью:
— Земля, братва!..

Зарева откраснели
До новых потемок. А там — опять!..
Мягко колются ели, —
Сушь! Благодать!
— Раздать сухари!
Оружье протри!
Костров не палить. Поесть, и спать!

— Пришлось потрудиться,
Ты бы, Евсей Григорьич, вздремнул.
— Мне, Иваныч, зараз не наспится:
К ночи не́погодь разразится.
Дозволь, заступлю в караул...

На еловых лапах
Медов сон!
Девятнадцать храпов
На разный фасон:
Кто — басит,
Кто — голосит,
Кто — посвистывает;
И все — не как-нибудь,
В полную грудь —
И-сто-во!

И только трое не спят:
Дед Евсей, да дядька Игнат,
Да командир Тимофей Иваныч.
Видели б вы, как трое глядят,
Сберегая силенки отряда на ночь!

А солнце солнчит
Песню свою
Все теплей, все звонче:
«Встаю! Встаю!
Вы слу́жите —
И я служу,
Вы не ту́жите —
И я не тужу,
В оба гляжу,
Сухо сушу;
А повыше взойду, дозрею —
Кости ваши прогрею!»

Июльский день долог,
Длинен, да не для нас.
Пуховик для щеки колок,
А так — в самый раз.

На земле, до сердца раскроенной,
Шестнадцать часов подряд
Разметались русские воины:
Спят, спят, спят.

В глухариной обители
Не сморенные глухари, —
Семнадцатый час мстители
Пьют живую брагу земли.

Набирайтесь!
Силы сгодятся:
Экая даль вам, сыны!
Запасайтесь,
Куда деваться,
Высыпайтесь!
И пусть вам не снятся
Сегодня черные сны!..

Спится ребятам, спится,
А солнце уже садится.
— Светило, братишка,
Повремени, погустей,
Солдатам не будет лишка:
Пар не ломит костей...

Но смежается глаз горящий,
Окунается в облака:
«И вам и мне пора.
Ни пуха ни пера.
Пока-а!..»

Затеневело в чаще,
Захолодило бока.

Травы запахли слаще.
— Двадцать два, пять.
Растолкать спящих:
Пора выступать!

— Подъем, недужные:
Время — с хвостиком двадцать два!..
И не матюжные,
И покрепче были слова.

* * *

Прямая дорожка,
Куда повернешь?
Вышла б оплошка,
Не выручи дождь,
Не вывези нож!

Лешка, Лешка,
Страшно ты бьешь!

Ты молодчина:
Не промазал, хват!
Так что за причина,
Зачем не рад?
Весь как в угаре,
С обвислым плечом.
О чем ты, паря?
Парень, о чем?

Ведь ёкни твое сердечко,
Или дрогни рука —

И нам бы вышла осечка
На-вер-ня-ка:
Клещи врага —
И весь васисдас,
И вся недолгá!
А ты его — р-раз! —
И мы себе топаем позади большака.

Так что ж ты прячешь
Глаза, шальные до дна?
Нельзя иначе ж,
Нельзя: война!

— Сынок, война!
Лучше курни-ка, на.

У меня табачишка —
Пятитравный сорт:
С ползатяжки, слышь-ка,
Поперхнется сам черт!
Дымни — и крышка:
Новички-то!.. Будь тверд.

— Благодарствую, дедка, —
Ме-етко берет:
Геройская горечь!
Спасибо, Евсей Григорьич, —
Как наждак, дерет!

— На здоровье, детка.
На-ка твой пулемет:
Слышишь, у перелеска
Провод поет?
Похоже, близко «железка» —
Крой наперед!

ЖЕЛЕЗКА

Ливень — круче. Град — отвесней.
Ночь текуча, ночь — беда!
Душу рвут загробной песней
Умершие провода.

Шибко-шибко плачут елки,
Голосят, вопят, орут, —
Будто плоть живую волки
С лаем, с визгом, с хрустом
жрут!

— Рвите, жрите — не прожрете:
Глотка тесная...
Вот погодка так уж вроде
Расчудесная!

Рельсы взвякивают резко:
Рельсам холодно.
Эх, дороженька-железка,
Тебе — тола бы!

Потерпи, дадим, что просишь,
Слышим вопленьки.
Эшелончик нам подбросишь,
Будешь тепленькой!

Раскостерим жар-костерчик,
Ух ты, ухоньки,
Так, что стыки зноем скорчит:
Мины сухоньки.

Где нам жадничать, куда там:
Кроме прочего

И «лимонкой», и гранатом,
И каленым виноградом
Всласть попотчуем!..

А пока — погода стонет,
Ночь мокра невпроворот,
И, как щепка в море, тонет —
Кому жить и кто умрет.

Ни земли, ни туч, ни леса —
Льет вода, ползет, бежит,
Да осипшее железо,
Как душа, дрожмя дрожит.

— Вот примочка! Ну промочка! —
Небо спятило...
— Мне сегодня два годочка
Насолдатило.

В сорок первом, в том июле,
Двадцать пятого,
Окрутили меня с пулей,
Неженатого.

Наползли в Красуху гансы
Темным вечером!
На руках в кусты подался, —
Делать нечего.

— На руках?
Аль не бежали
Ноги быстрые?
— Ноги смирненько лежали
После выстрела.

Сорок дней с той свадьбы,
лёжа,
Выл в малиннике...
А сегодня с фрицем Леша —
Именинники.

Юбилей двухгодовалый —
Дата красная!
— Дотерпи, осталось мало, —
То-то спразднуем!..

Час... другой... Видней водица.
Проступают камыши.
И хоть очень не лежится,
А — лежи!

— Забелело на восходе:
Не попасть бы нам впросак!..
— Тише, братцы! Едет вроде!
— То не он: бубнит прусак.

— Вот житуха: дождь не лезет
Ни за шиворот, ни в рот,
Знай посиживай в железе:
Слышь, «Люли мурлен» * поет!
— Как-нибудь заткнем и дот.

Три часа, четыре, пятый —
У моста, лицом в кугу!..
— Не м-могу: подплыл, ребята...
— Кто не может?! Ну гугу!

Ишь раскашлялся, как дома,
Расхлебенил решето.

---

* «Лили Марлен» — песня гитлеровских солдат.

Долбани его, Ерема!
— Чуешь, друг? Замри, — а то!..

Тут тебе не посиделки,
Не на супрядки попал:
С шестиствольной жахнет грелки —
Обогреет наповал!..

Семь утра! — Темна природа...
Десять! — плюхает...
Час! — обносит нас погода
Оплеухою...

Три! — Ни капельки не суше...
Полчетвертого! —
Хоть бы горстку твердой суши,
Кроху б твердого...

Без пяти четыре! — лупит
С неба клятого...
— Ну бы п-печку да т-тулупик...
Четверть пятого!

Ни подняться, ни прижаться.
— Ну бы хата бы!..
— До заката додержаться,
До заката бы!

До потемочек, до ночи
Если б выдюжили!..
Есть ли мочь, нету мочи,
А ведь вылежали.

Свечерело.
Небо низко.

Немец ужинает...
— Сдвинься с места, шелохнись-ка,
Кровь остуженная.

Наливайтесь в жилы, соки,
Не утоп, так дело робь:
Шевелитесь, руки-ноги,
Отбивайте, зубы, дробь.

Впереди полно работы,
Впереди работы — во!
— Эй там, ерзаешь чего ты?
— Да колено не того.

Не колено, а полено:
Ни согнуть, ни разогнуть.
— Вот бы крышу бы, да сена,
Да стакашек шнапса в грудь!

— Любо-мило затемнело!
— Почернело — я те дам!
Будет дело, будет дело:
Стопроцентный тарарам!

— Слышишь, рельсы заиграли
На мотив совсем другой.
Слышишь — «Трали-трали-трали»?
— Это ветер над рекой.

— Ты не шапкой слушай — ухом:
Стук колес уловишь враз.
— Я впервой...
— Огня не нюхал?
Ничего, нюхнешь сейчас.

Ой, нюхнешь, ой, нюхнешь!..
— Подожди чудить, Алеш.

Это боязно, наверно, —
Сгрохать поезд под бугор?
— Да, признаться, так примерно,
Как вести с начальством спор.

Будешь рвать, возьми вот это!
— Не обстрелян я, браток...

Кровью харкнула ракета,
И навстречу ей — гудок!

* * *

Глумится небо. Гнется тал.
И в этой тьме незрячей
Все злее лязгает металл,
Все горше ветер плачет.

Совсем-совсем короткий сказ,
А до чего ж он дли́нен:
Сейчас, сейчас,
сейчас-сейчас
Хлестнет кровавый ливень!

Состав крадется без огней,
Везет гостей недобрых.
И сердце чаще и сильней
Стучит, бедует в ребрах!

В ушах трезвон, во рту печет,
А злыдень — вот он, рядом.
— Давай запал, комолый черт!
— Вставай, Степаша. Надо!

ОГОНЬ

Ой вы, псковские места,
Двести первая верста!

Год пройдет. И двадцать лет.
Двадцать первый век грядет,
А сюда горючий след
Трын-травой не зарастет.

Нет! Его не рассосет,
Не исторгнет из сердец
Ни быльем, ни лебедой,
Ни бегучею водой —
На земной груди рубец!

Оглушенному огнем,
Ослепленному свинцом,
Как поведать мне о нем,
О пожаре над рекой?
И каким таким словцом?
Ох, какой, какой строкой?

Двести первая верста —
Просто столбик у моста:
Двести первая верста!

Ночь густа,
Река быстра,
Крутизна, высота!.. —
«Тра-та-та!..»

«Бух-х, бу-бух! Да-да-да!..»
Разгорается вода!
— Ты куда?

— Куда? — туда!
— Вылезай из-под куста
Да живей на рельсы вей!
— Насыпь тут невмочь крута:
Заб-бежать хотел с хвоста...

Наверху железо мрет,
Красный червь вагоны жрет.
— Впере-ед!
«Та-тра-та! Тра-тах!
А-а! А-ах! Ах!..»
Наверху хохочет дот.
— Вперед!
— В душу бога!..
— Майн готт!..
— Впе-еред!

Впереди — взбесился дот:
Бьет, бьет, бьет!..
— Ну, горазд! Ну, зевласт!
Густо чешет, зло дерет!
— Не заткни зубастый рот,
Распрямиться ведь не даст.
Дай-ка бомбу... мой черед...

Громовитей грома жизнь:
Головушка, не кружись,
Головушка, не хмелей!
— Вот ты где, железный змей!
Пьян от крови, волчья сыть,
Не пора ли закусить?..

— Подавился, кажись.
— Да, тот чертов дом готов:
Вперед!..

Лишь молчат, обнявшись,
Будто двое сватóв, —
Дед Евсей и ДОТ...

Может, скажет про меня
Друг, не нюхавший огня:
«Доты, деды — простота,
Это музыка не та:
Новой жизни не сестра».

Говори не говори —
В ней восход твоей зари!

Мой коритель дорогой,
Для тебя мы так — с собой...

Жаль, не до речей с тобой:
На «железке» — бой!

Двести первая верста,
На версту — клыки костра!

И не явь, и не сон, —
Кому радость, кому жуть:
Храп и стон, —
Грудь на грудь!
Черный крик!
Красный дождь!
И в последний в жизни — дрожь!

«На-на-на! Так-так!..»
— Степка!.. Степа-а! Как же так?..

Расцветает лютый мак!

Скрежет, хряск, визг, лязг!...
Не взыщите, гости, с нас:
Нам, признаться, не до ласк.

Бедно ласк, зато уж яств
Не жалели мы про вас:
Никого ни темный час,
Ни ременный бог не спас.

Арифметика проста:
Двести первая верста,
Ни вагонов,
ни моста,
Триста сорок два креста,
Паровоз без колес
Укатился под откос,
Рваным брюхом в землю врос.

И над прахом — в полный рост,
Встанут, нет ли, —
Двадцать звезд,
Неугасных двадцать звезд!
Им светить, не заходить —
Быть! Быть! Быть!

Двести первая верста,
Тихие мои места!

РАССВЕТ

— Замолкли овчарки: отстал немчура.
Глуха, как могила, гарь...
— Не помнишь, вчера иль позавчера
Мы съели последний сухарь?

— Не помню. Курнуть бы!
— Когда б самосад!..
Привстань, понапрасну лег!..

Над бурым пожарищем льется закат,
Сочится, каплет в лог.

И с каждой каплей, оброненной вниз,
Плотней, клыкастей леса карниз,
Бескровней высь,
Холоднее жизнь.

Все глубже, у́же, немей окоём...

И мы вдвоем тут. Только вдвоем.
Всего — вдвоем.
А двадцать наших — где дот вверх дном,
Где рельсы, будто бы лыко, — узлом,
Где обороченный в реку мост, —
В лохмотьях железа,
руки вразброс!

Угнездилась пуля в груди у меня,
У друга — навылет плечо.
Пять километров за три дня:
До наших — тридцать еще!

А ночь притаилась, вперилась в нас,
Придавила синющей пятой.
И звезда за спиной, как волчий глаз,
Перемигивается с темнотой...

— Найти бы коня!
— Держись за меня...

Подумать только, ведь этот лес —
Во веки веков наш!
— Ракета!..
Озноб под рубаху полез:
Перед нами — немецкий блиндаж!

Нацелился: вот-вот метнет огонь,
Выжмет последний стон...

Ржавый наган впаялся в ладонь.
И на всех — один патрон.

Сейчас бы кротом зарыться в песок,
Зайцем в кусты сигать.
Но липнет пепел, жжет висок, —
Твой прах, безутешная мать!

И в глине не просто следы колес,
А раны тяжкие, брат,
Раны земли, своей до слез,
Где каждый пёнушек свят!

Где всё — от холмика под крестом
До жутких звездных вершин,
От любви до ненависти — твой дом,
Твой свет, горемычный сын!

Гляди: пантеры, тигры, орлы
Когтят святыню святынь.
Довольно детям ее золы:
Робкое сердце, застынь!..

Я горькое помню: веселый глядел, —
Печальнее взгляда нет!
Я лютое знаю: юный седел
В цветущие двадцать лет!

Мужчина затрясся: не спрячешь слез,
Нету на нем лица.
А помню: с сухими глазами нес
В могилу бойца-
отца.

Я видел: на танк со связкой гранат
Ходил он —
один на один!..
— Врешь, не от страха я пла́чу, гад, —
Ну погоди!..

Обернулся, шепчет:
— Двигайся, друг,
Умирать нам никак недосуг:
Две пары живых жилистых рук —
Скольким вражинам каюк!..

Сгорела ракета.
Другой черноты
Не бывает на свете черней!
И мы обдираем опять животы
И ребра о ребра корней...

Ах, летняя ночь, тихая ночь,
Беляна, не будь же темна, —
Не завораживай, не морочь,
Не стращай покоем до дна.

Не опоздает никто умереть
На этой скорбной земле.
Дозволь подышать, дай погореть,
Погоревать во мгле!

О ясном солнце погоревать,
Послушать птичью струну,
Хоть зорьку всего позаревать,
Песню спеть хоть одну!..

А ночь всё темней, темней, темней.
Осатанела роса!

А метры — длинней, длинней, длинней.
А травы ползут в глаза!

И кажется: близко-близко до звезд —
Колет пальцы от их лучей...
Но щелкнул в олешнике вольный дрозд,
Мурлычет веселый ручей!

И вдруг разбуженные, мы враз
Распрямились, приподнялись:
Заря молодая манит нас —
Живи! Люби! Дивись!

— Да, — отозвался приятель, — жизнь,
Разве убьешь ее!
Мы еще так заживем — держись:
Глянь-ка, цветет, поет!

Всё мы пройдем, пересилим, поверь,
Что бы ни привелось!..
Вот бы слетать в Красуху теперь:
Дома покос небось.

Взять бы косилку да пару коней,
Гнать бы за рядом ряд.
Воздух-то в поле — браги хмельней,
Травы — вспугни — вспаря́т!

Травы, как жаворонки, звонки́,
В цве́тени плещет смех.
Встать бы да с солнцем вперегонки
Посенокосить. Эх!

Мне бы!.. —
Запнулся и брови свел,
Ловит в ладонь росу...

Солнечным веником ночь подмел
Хлопотливый июль в лесу.

Выискрил землю июль-светолюб,
Выморщил гладь воды...
Сорвался вздох у товарища с губ,
И красный стон забулькал с губ,
Окрова́нив белынь-цветы.

И уже не слова́ — шелестит листопад, —
Шуршат, как береста, сухи́:
— Увидишь ребят, пускай простят,
Если какие грехи...

В кармане кресало и полсухаря.
Размотаешь... сгодятся бинты.
Патрон я сберег: убьешь глухаря...
— Братаня, что ты? Ты?..

Не оставляй меня одного,
Подожди!.. Не надо!.. Не смей!..
А он глядит.
А глаза у него —
Не видал ничего синей.

ПЕСНЯ

Желт песок у дубочка,
Сыр песок под корнями.
Песни робкая строчка
В окровавленной яме!

В желт песок у дубочка,
В корни темные
стежка

Опрокинулась.
Точка.
— Алексейка, Алешка!

Может, был бы ты прав,
Если б шел не так прямо?..
На холодных губах
Еще теплится: «Мама!..»

Еще рыть до заката
Мне могилу руками,
Подымать виновато
Окаянные камни.

Нет тяжéле и горше,
Нет работы горючей...
Еще долгого дольше
Молчать мне под кручей.

Горевальное слово,
Победную песню, —
Глубоко и сурово
Глушить густолесью.

И не раз между кочек
Мне вставать и валиться,
Пока свежий холмочек
У горы зажелтится.

Что для матери значит
Эта крохотка-горка —
Знает только и плачет
Со мною лишь зорька.

Сердце — вещая птица,
Сердце — чуткая птаха!

Как мне будет явиться
С вестью страшной, как плаха?

Как мне встать на пороге
Против кроткого взгляда?
Как мне броситься в ноги
И сказать:
«Ждать не надо!»?

Как свершу я, о матерь,
Это черное дело?
В горевóй твоей хате
Без того наболело.

Только верю я, мама, —
Ведь и сам не безродный:
Глянешь в душу мне прямо
С маетой безысходной

И меня не осудишь
Скупыми речами,
Не прибьешь, не остудишь
Святыми очами,

И, до капли тоскуя,
Ты не спросишь ответа.
Не безродный,
пойму я
И приму я все это!

ЗОВ

Люди добрые, — юные и старики,
Пришедшие после огня и прошедшие сквозь!
Приходите в июлях на берег реки!
Понимаете? Сердце отозвалось?

Сердце обязано отозваться у вас.
Дело не в бывшем, а в сути —
Быть или нет?
Слышите: бьет? Это — Жизни приказ!
Приходите, люди, взошел рассвет!

Постойте у тихих железных путей,
Поклонитесь на все четыре стороны у моста
И помяните Отчизны-зари сыновей,
У которых совесть была, как роса, чиста.

Помолчите у вечно бегущей воды...
Кто там разгоревался навзрыд?
Не надо слез. Роняйте цветы.
Видите, сколько их на откосе горит!

А потом — пять километров всего,
Пять километров не поленитесь пройти:
Побратима проведайте моего
В его коротком, в его бесконечном пути.

Пять километров — на час ходьбы:
Ни блиндажа, ни золы кругом,
Ни колючей заржавленной городьбы —
Всё похоронено молодым сосняком.

Дышите всей грудью! И петь не запрет,
Если споется, — свои края!
Ни угрюминки перед глазами нет —
Только ликуют кукушки, иволги да хвоя.

Только красную дрему золотые шмели
Целуют в уста, наклоняют вниз,
Да тянет бражным теплом от земли:
Живи, люби, дивись!

Загляделись?
Ничего, бывает — не спех,
Не осерчает друг: он терпелив до дна.
Сыплет по мягким иголкам солнечный смех.
У Жизни — две жизни,
А смерть у Жизни — одна!..

А вот и взлобок.
И дуб, желудька́ми унизанный весь.
Вслушайтесь, вслушайтесь! Нет, не в дроздиный гам,
Слышите? Слышите? В таволге — весть!
Это ручей, это он — вам.

Это он песню поет о начале вольного дня,
Про последний вздох,
Про желтый песок сырой,
О человеке, отведшем смерть от меня.
Видите холмик?
Вот тут он спит под горой.

И еще он поет о той,
Которая есть ли теперь, нет,
Которой о нас горевать
И вечно не умирать, —
О проторившей в это тихое место след,
О самой родной и забытой, —
Запомните имя ее:
Мать!

Помолчите у вечно бегущей воды...
Кто там разгоревался навзрыд?
Не надо слез. Роняйте цветы.
Видите, сколько их на поляне горит?

Так надо не тем, которые спят, —
Они не ради этого полегли.
Это надо для сущих
И для грядущих внучат —
Незастрахованных граждан
Огнеопасной земли!

Насурино (Псковщина)—Белоруссия —
— Ленинград 1943 — 1964

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ЧЕРТОВ ПУТЬ

Поэма

Посвящение 7
1. Чем богаты, тем и рады 9
2. Магарыч 17
3. Накануне разлуки 21
4. Закружи меня, кружало 25
5. Светит, да не греет 32
6. Благословенный чертов путь 36
7. Уговор дороже денег 41
8. Мертвая зыбь 46
9. Мы сами с усами 52
10. Пылай ясно, чтоб не погасло 59
Эпилог 62

ДВЕСТИ ПЕРВАЯ ВЕРСТА

Поэма

Забота 67
Алёха 69
Дорога 72
Железка 79
Огонь 85
Рассвет 88
Песня 93
Зов 95